

Науменко О. Н. Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири) / О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова, М. Г. Пинигин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 436—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453.

Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. (2023). Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 436-453. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453

Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири)

Науменко Ольга Николаевна¹

orcid.org/0000-0002-4601-987X

доктор исторических наук, профессор
oolgann@mail.ru

Альмухаметова Мариана Шамильевна²

orcid.org/0009-0007-4857-3077

кандидат исторических наук, доцент
m.s.almukhametova@utmn.ru

Пинигин Максим Геннадьевич²

orcid.org/0009-0006-3586-3334

кандидат юридических наук, доцент
m.g.pinigin@utmn.ru

¹ Югорский государственный университет
(Ханты-Мансийск, Россия)

² Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-28-20106,
<https://rscf.ru/project/22-28-20106/>

Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia)

Olga N. Naumenko¹

orcid.org/0000-0002-4601-987X

Doctor of History, Professor
oolgann@mail.ru

Mariana Sh. Almukhametova²

orcid.org/0009-0007-4857-3077

PhD in History, Associate Professor
m.s.almukhametova@utmn.ru

Maxim G. Pinigin²

orcid.org/0009-0006-3586-3334

PhD in Law, Associate Professor
m.g.pinigin@utmn.ru

¹ Yugra State University
(Khanty-Mansiysk, Russia)

² Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
project № 22-28-20106,
<https://rscf.ru/project/22-28-20106/>

© Науменко О. Н., Альмухаметова М. Ш., Пинигин М. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается опыт привлечения осужденных к труду в западносибирских тюрьмах, включая расположенные на территории Арктической зоны Югры, в конце XVIII — начале XXI веков. Отмечается, что данный опыт внедрялся в рамках гуманизации пенитенциарной системы по европейскому образцу. Авторы вводят понятие «трехфазная модель» гуманизации тюрьмы. Обосновывается тезис о том, что в истории России эта модель реализовывалась трижды и обязательно включала новые принципы организации труда заключенных. Сопоставляются результаты последней реформы, которая прошла в 2010—2020 годах, с предыдущими преобразованиями, и выявляются общие закономерности, характерные для России. Цель статьи — определить связь между моделью труда в местах заключения и этапами ослабления / укрепления политической власти. Проводится анализ организации труда арестантов, так как этот фактор является индикатором состояния правоохранительной системы, а она отражает степень стабильности государственной власти. Утверждается, что в условиях России принципы организации труда заключенных должны соответствовать представлениям о справедливости, характерным именно для российского народа. Показано, что реализованная несколько раз «трехфазная модель» гуманизации тюрьмы по европейскому образцу всегда имела негативные последствия для российской государственности.

Ключевые слова:

гуманизация наказания; пенитенциарная система; тюрьма; Западная Сибирь; Югра.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The experience of attracting convicts to work in West Siberian prisons, including those located on the territory of the Arctic zone of Yurga in the late 18th — early 21st centuries, is considered. It is noted that this experience was introduced as part of the humanization of the penitentiary system according to the European model. The authors introduce the concept of “three-phase model” of humanization of the prison. The thesis is substantiated that in the history of Russia this model was implemented three times and necessarily included new principles for organizing the work of prisoners. The results of the last reform, which took place in 2010—2020 are compared with previous reforms and general patterns characteristic of Russia are identified. The purpose of the article is to determine the relationship between the model of work in places of detention and the stages of weakening / strengthening of political power. The study is carried out through the analysis of the organization of work of prisoners, since this factor is an indicator of the state of the law enforcement system, and it reflects the degree of stability of state power as a whole. The study concluded that in the conditions of Russia, the principles of organizing the work of prisoners should correspond to the ideas of justice that are characteristic of the Russian people. The authors argue that the “three-phase model” implemented several times for the humanization of the prison according to the European model always entails negative consequences for the Russian statehood.

Key words:

humanization of punishment; penitentiary system; jail; Western Siberia; Yurga.

УДК 94:343.261.1(571.1)“179/202”

Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири)

© Науменко О. Н., Альмухаметова М. Ш., Пинигин М. Г., 2023

1. Введение = Introduction

В своей истории Российское государство не раз обращалось к европейской модели пенитенциарной системы, изучая, а иногда и копируя зарубежный опыт. Последний этап гуманизации тюремного заключения по западному образцу пришелся на в 2010—2020 годы, он был направлен на реализацию в местах заключения прав человека (осужденного), что понималось не просто как улучшение условий содержания (питание, образование, быт), но и как снижение административного давления, борьба с произволом сотрудников ФСИН и создание в тюрьмах новых возможностей для трудовой деятельности.

Такой подход сразу вызвал противоречие: улучшение условий содержания проводилось без обязательного привлечения преступников к труду. В соответствии с частью 1 статьи 103 Уголовно-исполнительного кодекса РФ осужденные обязаны работать там, куда определит их администрация исправительных учреждений, однако по Конституции РФ трудовая деятельность граждан является правом, а не обязанностью, и труд может быть только добровольным [Новицкий, 2015]. Поэтому финансирование условий жизни и быта заключенных легло на плечи налогоплательщиков, которые в отличие от преступников вынуждены постоянно работать и содержать себя сами. Декларирование равенства прав осужденных, независимо от тяжести и количества совершенных ими преступлений, проводилось одновременно со снижением статуса сотрудников ФСИН и вызвало ряд бунтов в местах лишения свободы. При этом наблюдался рост преступности в исправительных колониях для взрослых [Репецкая и др., 2019, с. 83]. В этой связи возникает вопрос о целесообразности копирования европейского опыта в российских условиях, а также о последствиях проведенного реформирования не только для самой пенитенциарной системы, но также для общества и государства.

Научная новизна статьи заключается в новом исследовательском подходе: определении возможных рисков для государственной власти через анализ организации трудовой деятельности осужденных, которая реали-

зуется в рамках исторически сложившейся в России модели гуманизации тюремного заключения. Также в научный оборот вводится ряд не исследованных ранее архивных материалов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — на примере западносибирских мест заключения выявить связь между реформированием трудовой деятельности заключенных и ослаблением (или укреплением) позиций государственной власти, с акцентом на пенитенциарную политику основных идеологов гуманизации российской тюрьмы — Александра I, Николая II и Н. С. Хрущева.

Источниками исследования послужили материалы Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ] и двух архивов Западной Сибири [ГА ХМАО-Югры; ГАТО в г. Тобольске]. В фонде 122 «Главное тюремное управление», содержащемся в ГАРФ, исследованы отчеты об организации труда в сибирских тюрьмах в период до 1917 года. В фондах архива ХМАО-Югры сохранились документы по трудовой деятельности заключенных в 1920-е годы: расписки в получении денег и описание выполненных работ. Эти данные позволяют определить принципы привлечения заключенных к труду, выявить степень их заинтересованности в заработке, физические возможности и эффективность труда, включая участие в проектах государственной важности. Фактически опыт 1920-х годов можно считать апробацией организации работ в ГУЛАГе.

Материалы Государственного архива Тюменской области (в г. Тобольске) касаются дореволюционного периода и позволяют проследить изменения в организации труда заключенных на протяжении XIX века. Эти документы дают возможность увидеть, как государство искало наиболее оптимальные варианты организации труда, вначале — для возможности расчета осужденных по судебным искам, затем — для их содержания и исправления.

В качестве методологии исследования использован цивилизационный подход, объясняющий результаты тюремных преобразований с учетом российской правовой культуры, а также особенностей ее экономического, политического, духовного состояния, православного (или социалистического) мировоззрения, — в целом целого спектра факторов, определяющих историю России и воспринимаемых обществом как его ментальность, которая во многом не совпадает с европейскими ценностями. В исследовании использован метод актуализации, который помог понять особенности функционирования тюрем в историческом прошлом с привлечением данных о современном состоянии мест заключения, особенно в результате последней реформы по ее гуманизации. С помощью сравнительно-истори-

ческого метода определены направленность изменений в пенитенциарной системе в разные периоды ее деятельности, при разных моделях гуманизации и политических режимах.

Трудовая деятельность заключенных в тюрьмах Западной Сибири дореволюционного периода привлекает внимание историков. Первым и самым фундаментальным трудом стало пятитомное издание М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» [Гернет, 1960—1963]. Сибирские тюрьмы были представлены в качестве важнейших звеньев пенитенциарной системы России, предназначенной для выполнения карательной функции самодержавия, поэтому и трудовая деятельность рассматривалась как механизм наказания за уголовные и политические преступления. Изучение исправительной направленности тюрьмы не входило в задачи исследования М. Н. Гернета и не соответствовало идеологической линии государства, но богатый фактический материал стал заделом для новых исследований, в частности, по организации арестантских работ в условиях каторги [Бортникова, 1999; Михеев, 2007 и др.]. Труд в сибирских учреждениях ГУЛАГа — также популярная научная тема в 1990—2000-е годы [Гриценко и др., 2010; Усманова, 2014 и др.]. Существует научный интерес и к организации труда осужденных при анализе последней пенитенциарной реформы 2010—2020 годов [Бердникова и др., 2015; Брылева, 2017; Рузевич и др., 2012; Патласов, 2012; Попова, 2018; Шершнева, 2020]. Несмотря на разные гипотезы, подходы и цели исследований, все ученые едины во мнении, что труд — важнейший фактор исправительно-воспитательной направленности в работе с осужденными, однако его необязательность по Конституции РФ — серьезное препятствие.

В имеющихся научных трудах выявлены и систематизированы виды арестантских работ, динамика заработной платы, финансовая результативность и другие факторы, однако организация труда не была представлена как некая типичная для России и повторяющаяся модель, всегда приводящая к одинаковому результату и ослабляющая позиции государственной власти. Исследователями не замечена и другая закономерность: как только в России проводятся пенитенциарные преобразования по европейскому образцу, достигая максимума гуманизации, вскоре следуют события такой политической значимости, которые угрожают не просто высшему эшелону власти, но и основам самого Российского государства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Гуманизация тюремного заключения в дореволюционный период

Практика гуманизации тюремного заключения в России прошла несколько этапов, причем в той или иной степени всегда происходило за-

имствование европейского опыта. Инициаторами гуманизации выступали государственные органы во главе с императорской властью, а сама идея реформирования тюрем сочеталась с общей направленностью социальных изменений.

В дореволюционный период можно определить два длительных этапа гуманизации пенитенциарной системы, схожих между собой по содержанию и результатам; на каждом этапе есть три схожие фазы, что позволяет выявить определенную модель реформирования («трехфазная модель»). Содержание «фаз» таково: 1) апробация тюремных преобразований по европейскому образцу, когда частично заимствовалась лишь внешняя форма без ломки устоявшихся в России пенитенциарных представлений, — такая политика была характерна для Екатерины II и Александра II; 2) «фаза покоя», когда последующие императоры фактически отказывались от продолжения политики по гуманизации тюрем (Павел I и Александр III); 3) «фаза активности», когда молодые императоры вводили меры, на которые не решились их предшественники: реализовывался европейский вариант гуманизации тюрем без достаточного учета российских реалий (Александр I и Николай II). В качестве результата реализации «трехфазной модели» (в комплексе с другими изменениями) Россия в одном случае получила восстание декабристов, во втором — революцию. Как следствие этих социальных потрясений, новые политические силы, пришедшие к власти, вообще отказывались от гуманизации тюрьмы, что в первом случае показала пенитенциарная политика Николая I, а во втором — реформы Советской власти.

3.2. Первый этап гуманизации тюрем

Идея гуманизации тюремного заключения в России появилась значительно раньше, чем произошли масштабные социальные преобразования, связанные с отменой крепостного права, и первым реформатором стала Екатерина II. При ней впервые в истории России начали появляться «образцовые» («показные») тюрьмы по европейскому стандарту, но с сохранением прежнего инквизиционного содержания, включая пытки; в Западной Сибири таковым стал Тобольский тюремный замок [Науменко, 2008, с. 32]. Для трудовой деятельности арестантов начали открываться работные дома, но лишь для отработки долгов по имущественным искам и для исполнения наказаний: о реальной гуманизации тюрем речи не шло. При императоре Павле I эти принципы пенитенциарной системы сохранились, но при Александре I были развиты в соответствии с европейскими стандартами.

В первые годы его правления гуманизация прежде всего коснулась тех, кто был осужден за имущественные преступления (на сумму до 20 руб.) и обязан был выплачивать долги по судебным искам. До 1807 года зарабо-

ток в работных домах Западной Сибири в среднем составлял около 3 коп. в день, из которых 2 коп. вычитались в соответствии с иском, а остальное уходило на содержание самого преступника. Эта система оказалась достаточно эффективной при умелом управлении, когда суммы заработков возрастали: уже в 1807 году в Томске этот рост составил 4—5 раз, а в Тобольске — 20 раз [ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 218, л. 6]. Известно, что в Тобольске оставались деньги, которые можно было выдавать на руки осужденным: получалось по 20 коп. и более в сутки вместо 1 коп. до 1807 года. Простой подсчет показывает, что на оплату долга по иску за 1 день работы арестант отдавал 40—50 коп. Если иск составлял 10 руб., то долг отдавался за 20—30 дней и сумма выдачи на руки увеличивалась. Такая система была выгодна попавшим в тюрьму преступникам с учетом того, что в 1801 году власти отменили пытки, а затем ввели новые требования к качеству одежды, обуви, питанию арестантов и т. д. Также в Западной Сибири начали строиться новые, теплые тюремные остроги и сеть пересыльных тюрем для ночлега и отдыха преступников в пути, к месту отбывания наказания [Бортникова, 1999, с. 39]. Таким образом, гуманизация коснулась всех категорий преступников.

Результат преобразований таков: представители простого народа (и крепостного крестьянства) начали сознательно стремиться в тюрьму, что подтверждается документами и функциями Тобольского приказа о ссыльных, среди которых — возврат хозяевам их беглых крестьян, просившихся в ссылку [ГАТО в г. Тобольске, ф. 471, оп. 1, д. 7, лл. 1—4]. Кроме этого, начатая Александром I пенитенциарная реформа, в результате которой тюрьмам была придана исправительно-воспитательная роль, вызвала рост преступности на 268 %, а после отказа от гуманизации (при Николае I) началось ее снижение. В целом индекс роста численности осужденных на 100 тыс. населения по сравнению с периодом правления Александра I составил: в 1825—1830 годах — 268 %; в 1831—1840 годах — 222 %, в 1841—1850 годах — 149 %; в 1851—1860 годах — 122 % [Миронов, 1988, с. 32].

Таким образом, первый этап гуманизации тюрьмы вызвал не просто рост преступности, — он отразил кризис императорской власти, что выразилось в восстании декабристов.

3.3. Второй этап гуманизации тюрем

Второй этап включает пореформенный период истории России и события конца XIX — начала XX веков, связанные с правлением Николая II.

После отмены крепостного права и судебной реформы 1864 года началась работа по подготовке преобразований пенитенциарной системы, завершившаяся Тюремной реформой 1879 года. Реформа взяла курс на гуманизацию заключения и исправление осужденных, в том числе через органи-

зацию труда. В Западной Сибири реализация реформы началась за 10 лет до официально утвержденной даты [Бортникова, 1999, с. 88] и проводилась осторожно, постепенно, без быстрых кардинальных преобразований. Однако в 1879 году оставалось всего два года до убийства Александра II, и после его смерти реформа еще более затормозилась. Арестантский труд в тот период хотя и применялся, но мало и непоследовательно: тюремные отчеты полны жалоб о недостатке средств на содержание арестантов и их мизерные заработки, которые не обеспечивают даже полноценное питание [ГАТО в г. Тобольске, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 15]. Однако в рамках реформы, еще при Александре II, были учреждены новые типы мест заключения — арестантские отделения, куда можно было попасть за незначительные преступления и где организация труда была поставлена в качестве важнейшей цели. Но так как император-реформатор был убит, а его преемник Александр III проводил контрреформы, то к организации труда в арестантских отделениях подошли серьезно лишь при Николае II: в Западной Сибири на их базе открывались даже сельскохозяйственные колонии.

При Николае II была создана Общая тюремная инструкция, в которой четко определялись функции труда: «отвлекать от праздности», овладевать навыками и привычкой к труду, обучать ремеслам и получать заработок [Общая ..., 1916, с. 172]. Расцвет трудовой деятельности в тюрьмах Западной Сибири пришелся на рубеж XIX—XX веков, когда было организовано поступление заказов от местных жителей, а у заключенных, соответственно, наблюдались высокие заработки [ГАРФ, ф. 122, оп. 1, д. 6024, л. 96].

Однако при организации арестантского труда выявился противоречивый момент, характерный и для современной пенитенциарной системы. По законодательству Российской империи труд не был обязательным, и реформаторы распространили это на осужденных. Д. И. Менделеев, в 1899 году посетив одну из каторжных тюрем Западной Сибири (в Тобольском тюремном замке), писал в изумлении: «Между заключенными есть и такие, которые приговорены за семь убийств. Таких повесили бы или гильотинировали в иной стране, а тут — они помещены, да как помещены — в уютном чистом одноэтажном, светлом здании ... Главный, ежедневный прием воздействия — это работа. Она, насколько возможно, не принудительна: нежелание или даже нерасположение сегодня работать принимается во внимание, и таких оставляют в камерах; много мы их видели там ... Прошли в кухню, где каторжник предложил попробовать щи-кашу и такой черный хлеб, которому позавидовали бы многие в Петербурге ... Гуманность отношения к каторжникам так поразила меня, что я не нахожу слов для выражения. Внутри, правда на момент, являлось суровое латынское сомнение в полезности такой мягкости отношения к злодеям» [Менделеев, 1899, с. 433—434].

Как и при Александре I, гуманизация тюрьмы по европейскому образцу сопровождалась ростом преступности, особенно в период революций. Общее число каторжан в России (основная часть — уголовные, а не политические), поступивших в Сибирь, увеличивалось в разы: 1907 год — 7779 чел., 1908 год — 12591 чел., 1909 год — 20936 чел., 1912 год — около 32000 чел. [Бортникова, 1999, с. 91]. Обратим внимание, что рост числа каторжан наблюдался после окончания Первой российской революции, в основном это был уголовный контингент.

Гуманизация тюремного заключения и организация труда каторжников в описанном выше варианте (пример Тобольского тюремного замка) не соответствовали представлениям российского народа о справедливости возмездия. На свободе многим выжить было сложнее, чем в условиях реформированной каторги. В результате тюремная реформа по европейскому образцу влилась в общую канву противоречий, и Российская империя перестала существовать.

3.4. Проблема гуманизации тюремного заключения в советский период

После социалистической революции советская пенитенциарная система была организована на иных принципах: большевики учли «недостатки» царского опыта, включая организацию труда и гуманизацию тюрем, поэтому дореволюционная модель первоначально была отброшена. До 1960-х годов не было не только попыток гуманизации мест заключения, но, наоборот, шло ужесточение пенитенциарной системы, и, несмотря на антигуманность, именно это оказалось эффективным для самосохранения государства. Первоначально в пенитенциарной политике было два направления, которые реализовывались параллельно и дополняли друг друга, а трудовая деятельность осужденных стала орудием политического манипулирования.

Первое направление было связано с уничтожением противников Советской власти, а регулирование труда политических (административных) ссыльных стало одним из карательных механизмов. Прежде всего, был реставрирован институт сибирской ссылки, отмененный царским правительством в 1900 году по причине его неэффективности и затратности. При Николае II ссыльные направлялись не на Крайний Север, а в сельскохозяйственные районы, где легче было организовать их трудовую деятельность. Однако с постройкой Сибирской железной дороги и открытием водных путей сообщения по рекам Западной Сибири эти районы оказались не защищены от побегов, и преступники разбегались. Большевики же, восстановив институт ссылки, стали отправлять осужденных на Обской Север, в труднодоступные места, часть которых относилась к арктической зоне, поэтому

побеги оттуда были крайне затруднены. Общее число ссыльных (включая политических), отправляемых на Обской Север, росло с большой скоростью: 1921 год — 1817 чел., 1923 год — 2044 чел., 1924 год — 5724 чел., 1925 год — 6274 чел., 1926 год — 8571 чел., 1927 год — 11235 чел. [Бортникова, 1997, с. 98]. В середине 1920-х годов государственные органы запретили ссыльным работать, а пособия на питание не предполагались; за нарушение запрета — увеличение срока ссылки. В итоге уже к началу 1926 года ссыльные были массово уволены из всех структур (культура и образование, местные органы власти, правоохранительная система, включая адвокатскую практику и др.). Их материальное содержание брали на себя местные жители, но такая ситуация не могла продолжаться долго. В результате среди осужденных началась деградация и гибель [Там же, с. 99].

Второе направление в использовании труда осужденных было связано с привлечением их к выполнению задач государственной важности, при этом непосредственно в местах заключения работа оплачивалась. Обратим внимание на архивное дело на 94 листах с названием «Расписки заключенных Березовского работного дома на выплату им заработанных денег» с датировкой 26 марта 1924 года — 30 июня 1924 года [ГА ХМАО-Югры, ф. Р-111, оп. 4, д. 16]. В нем содержатся десятки расписок с суммами в несколько рублей за разные виды работ, в том числе за строительство фундамента для электростанции. Таким образом, в условиях Севера уже тогда практиковалось привлечение заключенных к труду на строительстве объектов государственной важности, что было продолжено в учреждениях ГУЛАГа.

Деньги выплачивались абсолютно за все виды работ. В сохранившемся деле за 1927—1928 годы [ГА ХМАО-Югры, ф. Р-111, оп. 4, д. 198] зафиксировано, что заключенные Березовского РИКа (бывшего арестного дома) получали заработную плату за привоз воды в сам же арестный дом (30 коп. за бочку; в ведомости общая сумма — 1 руб. 80 коп.) и за его уборку, за рубку леса и даже извоз. В частности, 7 апреля 1928 года заключенный при участке Березовского РИКа Петр Черкасов получил довольствие и деньги за «поездку в юрты в качестве возчика», по 25 коп. в сутки, всего за 5 суток — 1 руб. 25 коп. Обратим внимание, что арестованного отпускали на несколько дней, что свидетельствует о наличии стимула работать. В качестве сравнения приведем цены: одна сажень сухих дров стоила 3 рубля 50 коп., а прокорм лошади и уход за ней в течение 3 суток обходился в 1 руб. 50 коп. [Там же, лл. 4—31].

Государственная власть ждала открытия ГУЛАГа, и с его учреждением оставшиеся ссыльные были переведены в лагеря, где их трудовая деятельность начала регламентироваться и максимально использоваться. Работа также оплачивалась, так как бесплатного арестантского труда

в стране больше не существовало. Но, в отличие от ряда дореволюционных экспериментов по исправлению каторжан, в Советском Союзе труд заключенных был обязательным и физически тяжелым, и такой подход соответствовал представлению общества об уголовном наказании (опускаем политические репрессии). При Сталине вопрос о гуманизации тюремного заключения не поднимался, заимствование европейского опыта в реформировании пенитенциарной системы даже не обсуждалось. Отметим, что в этот период государственная власть смогла сохраниться.

«Хрущевская оттепель» предполагала налаживание культурных контактов со странами Запада и изучение их опыта: в России / СССР опять появилась идея гуманизации тюремного заключения, близкая европейским стандартам. В начале правления Н. С. Хрущева, в 1955 году, на одном из Конгрессов ООН были приняты стандарты обращения с заключенными [Минимальные ..., 1955]. Учитывая хрущевский курс на культурное сближение с Западом, а также тот факт, что Советский Союз играл одну из ведущих ролей в ООН, пенитенциарная система страны оказалась вновь под влиянием зарубежных идей гуманизации. С этого момента начала возрождаться дореволюционная «трехфазная модель» реформирования, уже показавшая свою неэффективность и опасность в историческом прошлом. Содержание «фаз» повторилось: 1) осторожная попытка гуманизации тюрьмы при Н. С. Хрущеве; 2) «торможение» этих идей при Л. И. Брежнев; 3) реализация преобразований по европейскому образцу, завершающим событием чего стала реформа 2010—2020 годов.

Хрущевская реформа по гуманизации мест заключения легко вписывалась в международные требования, так как пенитенциарная система СССР им в целом уже соответствовала. Если обратиться к содержанию Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (ООН, 1955) и сравнить их с воспоминаниями информаторов, знавших условия содержания в Тобольской тюрьме, то очевидны множественные соответствия. В частности, «Минимальные правила...1955 год» (ч. 1, п. 6.1) запрещают дискриминацию «по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, семейного происхождения или социального положения» [Минимальные ..., 1955]. Политических заключенных при Н. С. Хрущеве амнистировали, а с остальными формами дискриминации в стране в целом было благополучно, за исключением религии, но Советский Союз законодательно считался атеистическим государством.

«Минимальные правила ... 1955 год» (ч. 1, п. 7—8) касались составления реестра заключенных и разбивку их на категории, — это в СССР тоже практиковалось. Пункты 9—19 (ч. 1) посвящены санитарно-быто-

вым условиям, — и это соблюдалось. Пункт 20 (ч. 1) закрепил требования к питанию: «Тюремное управление должно в обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную» [Там же]. Эти нормативы в СССР также соблюдались, но в условиях реформы питание пришлось все же улучшить. В качестве результата приведем выдержку из воспоминаний д.и.н., профессора Ю. П. Прибыльского, который партийными органами был направлен в Тобольскую тюрьму читать лекции по научному коммунизму и международному положению: «Быт осужденных был организован полностью. Во дворе тюрьмы работал ларек, где продавалось много дефицитных продуктов. Со слов контролеров (надзирателей) питание было настолько хорошим, что некоторые не имели такого на воле. В качестве иллюстрации можно привести следующий случай. Когда на обед подали сечку вместо гречки, некоторые заключенные отказались от нее со словами (в переводе с жаргона): “Пусть начальник сам это ест”. Особо им запомнился тобольский хлеб ...» [Науменко, 2008, с. 173].

Практически все Минимальные правила ООН от 1955 года в Тобольской тюрьме по возможности соблюдались. Относительно труда заключенных международный стандарт установил требование, чтобы труд не приносил страданий и соответствовал психическому и физическому состоянию преступников [Минимальные ..., 1955]. Даже это требование вполне возможно было выполнить, так как в Тобольской тюрьме значительная часть заключенных вообще не имела права работать: особо опасным преступникам запрещалось давать в руки орудия труда. Из «улучшений» была введена «тюремная демократия», когда преступники получили множество послаблений: например, право жаловаться на недостатки и проблемы в тюрьмах напрямую в партийные органы, минуя тюремное начальство, и т. д. Реформа закончилась разбором тюремных стен для побега и убийством надзирателя [Науменко, 2008, с. 174], а в стране в целом — тюремными беспорядками, также бунтами обычных граждан и самосудами. Самые мощные из народных бунтов произошли в Сталинграде в 1957 году и в Челябинске в 1960 году [Народные бунты ..., 2021]. Гуманизация тюремного заключения стала звеном в цепи противоречий в политике Н. С. Хрущева, что в конечном итоге привело к потере им власти.

В период «брежневского застоя» прежняя пенитенциарная политика была откорректирована, и гуманной ее можно признать только в сравнении со сталинскими репрессиями. Результаты преобразований показывает статистика судебных приговоров Ханты-Мансийского окружного суда в 1973—1982 годах (табл. 1). В таблице дана информация только по тем

составам преступлений, за которые по советскому законодательству была возможна исключительная мера — смертная казнь. В таблице Р1 — общее число приговоров по составам преступлений, которые предусматривают смертную казнь, Р2 — приговоры непосредственно о смертной казни.

Таблица 1

Приговоры Ханты-Мансийского окружного суда со смертной казнью

Виды преступлений	1973 г.		1974 г.		1980 г.		1981 г.		1982 г.	
	Р1	Р2	Р1	Р2	Р1	Р2	Р1	Р2	Р1	Р2
Хищение государственного или общественного имущества в особо крупном размере	7	—	9	—	18	—	20	—	22	—
Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах	32	6	31	3	47	—	31	3	39	—
Изнасилование, совершенное группой лиц с особо тяжкими последствиями, или изнасилование несовершеннолетней	49	—	34	—	47	4	12	—	10	—
Бандитизм	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посягательство на жизнь работника милиции	2	—	2	—	—	—	3	—	3	1
Действия, дезорганизующие работу ИТУ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Получение взятки при отягчающих обстоятельствах, дача взятки	—	—	—	—	26	—	9	—	35	—
Итого:	92	6	72	3	140	4	75	3	70	1

Источник: [ГА ХМАО-Югры, ф. Р-180, оп. 1, д. 152, 155, 163].

В таблице 1 отражено два хронологических промежутка: середина 1970-х годов и начало 1980-х годов. Анализ таблицы показывает, что в целом в ХМАО-Югре наблюдался рост тяжких преступлений. Однако уда-

лось избавиться от бандитизма, к чему и стремился Н. С. Хрущев, причем не гуманными, а жесткими мерами. Кроме этого, обратим внимание на графу «Действия, дезорганизующие работу ИТУ»: в 1973 году был последний всплеск последствий гуманизации тюрьмы, а после отказа от либеральной пенитенциарной политики тюремные бунты на территории ХМАО-Югры прекратились.

Современный период реформирования (2010—2020 годы) — это третья, завершающая фаза гуманизации пенитенциарной системы России по европейскому образцу. Как и на предыдущих двух этапах, характерных для дореволюционного периода, современная реформа сопровождается опасностью для государственной власти и ростом преступности. В частности, в исправительных колониях для взрослых этот рост к концу реформы составил 87—91 % [Репецкая и др., 2019, с. 83].

4. Заключение = Conclusions

История пенитенциарной системы Западной Сибири показывает выраженную закономерность: особенности организации трудовой деятельности осужденных могут быть индикаторами возможных рисков для государственной власти, так как труд заключенных является одним из основных факторов гуманизации тюрьмы. В истории России и СССР стабильность и уважение к власти обуславливались организацией арестантских работ в таком варианте, который устраивал бы общество, оставшееся «на воле», — этот вариант исходит из представлений граждан о мере гуманности и справедливости наказания.

История тюрем показала, что отказ от гуманизации тюрьмы в период сталинского правления, политическая жесткость и манипулирование трудовой деятельностью не смогли снизить доверие к государственной власти среди основной массы населения. Народные бунты начались как раз в период реформы по гуманизации заключения, когда преступники получили всевозможные права, а организация арестантских работ была деформирована под правила преступной иерархии. Эта же тенденция наблюдалась и в более ранние периоды в Российской империи: либерализм системы наказаний и условий содержания преступников, неотъемлемой частью чего была неправильная, с точки зрения общества, организация арестантского труда, неминуемо приводил к народному недовольству. В то же время гуманное отношение к себе осужденные рассматривали как слабость власти на всех ее уровнях, что вело к беспорядкам в тюрьмах и росту преступности.

В истории России «трехфазная» модель гуманизации пенитенциарной системы по европейскому образцу реализовывалась трижды, на трех соот-

ветствующих этапах, каждый из которых длился десятилетия. Окончание каждого этапа сопровождалось негативными последствиями, причем с нарастающей степенью опасности. Если после реформы Александра I еще не существовало угрозы для российской государственности, а кризис власти разрешился в рамках незыблемой на тот момент Российской империи, то реформа Николая II оказалась более опасной. Она сопровождалась крахом империи и потерей части российских территорий, однако само государство все же было сохранено и смогло возродиться в форме Советского Союза. Последняя попытка реализации «трехфазной» модели, закончившаяся в 2020 году, в настоящее время сопровождается сложными политическими процессами, и их итог покажет история.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 122 (Главное тюремное управление).
2. ГАТО в г. Тобольске — *Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске*. Ф. 17 (Каторжная тюрьма № 2), Ф. 329 (Тобольское губернское правление), Ф. 471 (Тобольский приказ о ссылных).
3. ГА ХМАО-Югры — *Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры*. Ф. Р-111 (Березовский районный совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет, районный поселок Березово Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области 1923—1964 гг.), Ф. Р-180 (Ханты-Мансийский окружной суд, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, 1931—1990).
4. *Минимальные стандартные правила обращения с заключенными* (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г). Женева, Швейцария [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://76.xn--b1aew.xn--p1ai/document/9765166> (дата обращения 21.11.2022).

Литература

1. Бердникова Г. Д. Трудовая деятельность осужденных как способ достижения целей уголовно-исполнительного законодательства / Г. Д. Бердникова, Ю. В. Баранов // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2015. — № 4 (19). — С. 82—84.
2. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная : пенитенциарная система Западной Сибири в 1801—1917 гг. / О. Н. Бортникова. — Тюмень : ТЮИ МВД, 1999. — 304 с.
3. Бортникова О. Н. Ссылно-поселенцы и местное население городов Севера / О. Н. Бортникова // Проблемы культуры городов России. — Томск : ТГУ, 1997. — С. 98—99.
4. Брылева Е. А. Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Е. А. Брылева // Юридическая наука : история и современность. — 2017. — № 3. — С. 126—132.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы [в 5 т.] / М. Н. Гернет. — Москва : Госюриздат, 1960—1963.

6. *Гриценко В.* 501—503. История мертвой дороги / В. Гриценко, В. Калинин. — Екатеринбург : Баско, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-91356-111-4.
7. *Менделеев Д. И.* Поездка в Тобольск / Д. И. Менделеев // Уральская железная промышленность в 1899 г. — Санкт-Петербург : Издание Министерства финансов по департаменту торговли и мануфактур, 1900. — С. 433—434.
8. *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века / Б. Н. Миронов // Отечественная история. — 1988. — № 1. — С. 32.
9. *Михеев А. П.* Тобольская каторга / А. П. Михеев. — Омск : Наука, 2007. — 343 с. — ISBN 978-5-8268-0981-5.
10. Народные бунты и самосуды над преступниками, при Хрущёве, против «либерализации» уголовной системы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://pikabu.ru/story/narodnye_bunty_i_samosudy_nad_prestupnikami_pri_khrushchovye_protiv_liberalizatsii_ugolovnoy_sistemyi_8094050 (дата обращения 10.12.2022).
11. *Науменко О. Н.* Тобольский тюремный замок : страницы истории / О. Н. Науменко. — Тюмень : ТюмГУ, 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-88081-989-8.
12. *Новицкий С. С.* Особенности нормативно-правового регулирования права на труд лиц, заключенных под стражу и осужденных / С. С. Новицкий, Л. Ю. Новицкая // Экономика. Право. Общество. — 2015. — № 1 (1). — С. 71—74.
13. *Патласов О. Ю.* Трудовая деятельность осужденных под влиянием криминальной субкультуры : пробелы законодательства и коллизии норм права / О. Ю. Патласов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 1. — С. 216—227. — DOI: 10.17150/2500-4255.
14. *Попова Е. Э.* Трудовая деятельность осуждённых к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, как элемент общественного воздействия (по материалам отечественной и зарубежной практики) / Е. А. Попова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2018. — № 5 (813). — С. 218—224.
15. *Репецкая А. Л.* Российская пенитенциарная преступность : динамика современного состояния и структуры / А. Л. Репецкая, М. А. Сутурин // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 4 (87). — С. 82—88.
16. *Рузевич О.* Трудовая деятельность осужденных к лишению свободы (на примере пенитенциарных учреждений Владимирской области) / О. Рузевич, Н. Симагина // Кадровик. — 2012. — № 6. — С. 57—61.
17. *Упоров И. В.* ГУЛАГ в экономике СССР (1917—1945 гг.) / И. В. Упоров // Интеграция наук. — 2017. — № 5 (9). — С. 211—214.
18. *Усманова Ф. Р.* Тобольская тюрьма в первые годы Советской власти / Ф. Р. Усманова // Вестник Академии права и управления. — 2014. — № 36. — С. 39—44.
19. *Шершнев М. Н.* Трудовая деятельность осужденных за пределами исправительных учреждений : допустимость и проблемы реализации / М. Н. Шершнев // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Экономика и право. — 2020. — № 6. — С. 211—214. — DOI: 10.37882/2223-2974.2020.06.40.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023,
одобрена после рецензирования 20.02.2023,
подготовлена к публикации 23.03.2023.

Material resources

- GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 122 (Main Prison Administration)*. (In Russ.).
- GATO in Tobolsk — *The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk. F. 17 (Convict prison № 2), F. 329 (Tobolsk provincial government), F. 471 (Tobolsk order on exiles)*. (In Russ.).
- HA KhMAO-Yugra — *State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. F. R-111 (Berezovsky District Council of Worker's Deputies and its executive Committee, Berezovo district settlement of Khanty-Mansiysk National Okrug of Tyumen Region 1923—1964), F. R-180 (Khanty-Mansiysk District Court, Khanty-Mansiysk city/Mansiysk of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug of the Tyumen Region, 1931—1990)*. (In Russ.).
- Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (adopted at the First UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders on August 30, 1955, approved by the Economic and Social Council at the 994th plenary meeting on July 31, 1957). Geneva, Switzerland*. Available at: <https://76.xn--b1aew.xn--plai/document/9765166> (accessed 21.11.2022). (In Russ.).

References

- Berdnikova, G. D., Baranov, Yu. S. (2015). Labor duty of the consecrated, as soon as access to the target is possible: the executable law of ingenuity. *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 4 (19): 82—84. (In Russ.).
- Bortnikova, O. N. (1997). References-settlers and the local origin of Gorodov to the north. In: *Problems of culture of Gorodov Russia*. Tomsk: TSU. 98—99. (In Russ.).
- Bortnikova, O. N. (1999). *Siberia prison: the penitentiary system of Western Siberia in 1801—1917*. Tyumen: Tewi of the Ministry of Internal Affairs. 304 p. (In Russ.).
- Bryleva, E. A. (2017). Labor duty in the entertainment colonies of Russia, how do you like the management of unfinished. *Legal science: History and consistency*, 3: 126—132. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1960—1963). *Storia Tsarist prison [In 5 volumes]*. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.).
- Gritsenko, V., Kalinin, V. (2010). 501—503. *The history of the dead has*. Yekaterinburg: Bas-ko. 240 p. ISBN 978-5-91356-111-4. (In Russ.).
- Mendelev, D. I. (1900). Train to Tobolsk. In: *Ural desired industrial in 1899*. St. Petersburg: Publications of the Ministry of Finance for the Department of Trade and Manufactures. 433—434. (In Russ.).
- Mikheev, A. P. (2007). *Tobolsk penal servitude*. Omsk: Nauka. 343 p. ISBN 978-5-8268-0981-5. (In Russ.).
- Miranov, B. N. (1988). Prestige in Russia in the XIX — early XX century. *Excluded history, 1*: S. 32. (In Russ.).
- Naumenko, O. N. (2008). *Tobolsk prison castle:static pages*. Tyumen: TSU. 184 p. ISBN 978-5-88081-989-8. (In Russ.).
- Novitsky, S. S., New, L. Yu. (2015). Conditional legal regulation of surfactants on the work of persons closed under strict and employed. *Economy. Right. Community, 1* (1): 71—74. (In Russ.).
- Patlasov, O. Yu. (2017). Labor duty of consecrated pods criminal subculture prevails: coded gaps and collisions of the rule of law. *All-Russian Journal of Criminology*, 11 (1): 216—227. DOI: 10.17150/2500-4255. (In Russ.).

- Popova, Or. E. (2018). Labor deja vu consecrated to drawings, not connected with isolation from society, as an element of a generally recognized condition (based on materials taken away from work). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Formation and pedagogical sciences*, 5 (813): 218—224. (In Russ.).
- Popular riots and self-propelled guns on criminals, under Khrushchev, against "liberalization" of the coal system.* Available at: https://pikabu.ru/story/narodnyie_buntty_i_samosudyi_nad_prestupnikami_pri_khrushchyove_protiv_liberalizatsii_ugolovnoy_sistemyi_8094050 (accessed 10.12.2022). (In Russ.).
- Repetskaya, A. L., Sutorin, M. A. (2019). Russian penitentiary prestige: dynamics of a consistent state and structure. *Siberian Lawyer Bulletin*, 4 (87): 82—88. (In Russ.).
- Ruzhevich, O., Simagina, N. (2012). Labor duty of those consecrated to deprivation of freedoms (on the example of penitentiary institutions of the Vladimir region). *HR officer*, 6: 57—61. (In Russ.).
- Shershnev, M. N. (2020). Labor duty of the executed processes sanctified for warnings: assumptions and problems of implementation. *Coordinated science: actual theoretical problems and practices. Series: Economics and PrAO*, 6: 211—214. DOI: 10.37882/2223-2974.2020.06.40. (In Russ.).
- Uporov, I. S. (2017). GULAG in the economy of the USSR (1917—1945). *Integration of sciences*, 5 (9): 211—214. (In Russ.).
- Usmanova, F. R. (2014). Tobolsk prison in the early years of Soviet power. *Bulletin of Academic Law and Management*, 36: 39—44. (In Russ.).

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 20.02.2023;
accepted for publication 23.03.2023.*